

Научная статья
УДК 331.55(51:47)
doi: 10.17223/2312461X/43/15

Чайна-таун в России: судьба символа «китайской экспансии»

Виктор Иннокентьевич Дятлов^{1, 2}
Елена Викторовна Дятлова³

^{1, 3} *Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия*

² *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

^{1, 2} *vikdyatlov@yandex.ru*

³ *dyatlovae@mail.ru*

Аннотация. Массовая китайская трудовая миграция в постсоветскую Россию поставила сложную задачу понять новое явление и оценить его последствия. Популярным ответом на этот запрос стала идея о том, что немедленным и обязательным следствием становится формирование чайна-таунов – мест совместного проживания, концентрации экономической деятельности и общественной жизни мигрантов. Чайна-таун рассматривался как имманентная характеристика китайской миграции, ее образ жизни, механизм социальной организации и контроля. Во многих геополитических конструкциях и в масс-медиа чайна-тауны рассматривались как уже существующие многочисленные и неподконтрольные анклавов в городах – основной инструмент «китайской экспансии». Эмпирической основой для формирования таких построений слали смутные обрывки исторической памяти о дореволюционных китайских кварталах и образы американских чайна-таунов, почерпнутые из западной массовой культуры. Однако мощный в начале процесса синдром начал быстро терять энергию и влияние. Чайна-таунов в российских городах найти никто не смог в силу их отсутствия. Ужас перед «китайской экспансией» постепенно менялся на привычную уже мигрантофобию. К снижающейся количественно китайской миграции привыкли и привыкли извлекать из нее пользу. Как результат, чайна-таун постепенно трансформировался из очень конкретного, материального феномена в метафору, обозначение китайскости как таковой. Поэтому синдром теряет свою мобилизующую силу.

Ключевые слова: китайские мигранты, чайна-таун, китайский квартал, ксенофобия, китаефобия, мигрантофобия, этнический анклав, «китайская экспансия», этническая сегрегация

Для цитирования: Дятлов В.И., Дятлова Е.В. Чайна-таун в России: судьба символа «китайской экспансии» // Сибирские исторические исследования. 2024. № 1. С. 251–271. doi: 10.17223/2312461X/43/15

Original article

doi: 10.17223/2312461X/43/15

Chinatown in Russia: The Fate of the Symbol of “Chinese Expansion”

Viktor I. Diatlov^{1, 2}

Elena V. Diatlova³

^{1, 3} Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

^{1, 2} vikdyatlov@yandex.ru

³ dyatlovae@mail.ru

Abstract. The massive Chinese labor migration to post-Soviet Russia has posed a difficult task in understanding this new phenomenon and assessing its consequences. A popular response to this request was the idea that the immediate and obligatory consequence is the formation of Chinatowns – places of cohabitation, concentration of economic activity and social life of migrants. Chinatown was seen as an immanent characteristic of Chinese migration, its way of life, a mechanism of social organization and control. In many geopolitical constructions and in the mass media, Chinatowns were considered as already existing numerous and uncontrolled enclaves in cities - the main tool of “Chinese expansion”. The empirical basis for the formation of such constructions was provided by vague fragments of historical memory of pre-revolutionary Chinatowns and images of American Chinatowns drawn from Western popular culture. However, this syndrome, which was powerful at the beginning of the process, began to quickly lose energy and influence. Nobody could find Chinatowns in Russian cities due to their absence. The horror of “Chinese expansion” gradually changed to the already familiar migrant phobia. People became used to decreasing quantitative Chinese migration and became accustomed to benefiting from it. As a result, Chinatown gradually transformed from a very concrete, material phenomenon into a metaphor, a designation of Chineseness as such. Therefore, this syndrome loses its mobilizing power.

Keywords: Chinese migrants, Chinatown, Chinese quarter, xenophobia, sinophobia, migrant phobia, ethnic enclave, “Chinese expansion”, ethnic segregation

For citation: Diatlov, V.I. & Diatlova, E.V. (2024) Chinatown in Russia: The Fate of the Symbol of “Chinese Expansion”. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 251–271 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/43/15

Введение

Массовые трансграничные трудовые миграции стали важнейшей частью постсоветских трансформаций. Внезапно и совершенно неприглядно для населения и властей, после нескольких десятилетий закрытости, возник новый сегмент экономики и социальных отношений. Пришли новые люди, новые отношения, а вместе с ними и новые проблемы. Важнейшей составной частью этого миграционного процесса стала мигрантофобия. Массовые ксенофобские антимигрантские настроения и страхи широко использовались в качестве инструмента политической мобилизации и борьбы за власть. Сформировался сильный соответствующий дискурс в масс-медиа, в том числе и на государственном телевидении¹.

Особую роль и в миграционном процессе, и в формировании мигрантофобского дискурса играли китайские мигранты. Они составляли численно значительную (а в некоторые периоды – большую) часть трудовых мигрантов, за ними стоял, как казалось, неисчерпаемый миграционный потенциал более чем миллиардного Китая. О существовании по всему миру многочисленных и влиятельных сообществ *хуацяо* – зарубежных китайцев, было известно не только специалистам, но и обычным обывателям. Их культура, образ и стиль жизни, обычаи и манеры были совершенно не знакомы жителям России, в отличие от бывших советских соотечественников – мигрантов из стран Центральной Азии. На формирующееся отношение огромное воздействие оказала эпоха советско-китайского противостояния и военных столкновений 1960–1970-х гг. Дальний Восток и Сибирь воспринимались их населением как форпост – и это формировало соответствующее отношение к китайцам как к потенциальному инструменту нашествия и агрессии. Их массовый приток в качестве трудовых мигрантов воспринимался как угроза. Масштабы и интенсивность этих настроений и оценок принимали иногда характер паранойи².

С началом «второго пришествия» китайских мигрантов в постсоветскую Россию (первая волна была в конце XIX – первой трети XX в.)³ стремительно сформировался и образ чайна-тауна как основного механизма и символа «китайской экспансии». Особенно большое, можно сказать экзальтированное, внимание к проблеме чайна-тауна и возможности его появления в России наблюдалось на начальном этапе процесса – в девяностые и начале нулевых годов. Практически сразу стала преобладать идея чайна-тауна как имманентной характеристики китайской миграции, ее образа жизни, механизма социальной организации и контроля.

Широко распространилась уверенность в том, что если в России есть китайские мигранты, то исключительной средой их обитания могут быть только территориальные анклав, места совместного проживания и экономической деятельности, особым образом организованные и почти не контролируемые властями; непроницаемые для местных жителей; инструменты территориальной, экономической и демографической экспансии Китая. Эта уверенность была не только у журналистов или политиков, но и у ряда считающихся вполне респектабельными и серьезными учеными, особенно специализирующимися в такой странной науке, как геополитика. Приняв в качестве аксиомы существование и большую экспансионистскую роль чайна-таунов, эти авторы выстраивают и их конструкцию.

Этот феномен заслуживает специального изучения. Поэтому статья не столько о самих чайна-таунах, сколько об их образе и представлениях об их месте и роли в жизни общества. Чайна-таун – это неотъемлемая составная часть образа китайской миграции, его символ. Поэтому этот

образ стал для многих прогнозом недалекого будущего если не всей России, то ее востока точно.

Мы хотим увидеть, на базе какой информации вдруг возник и мощно заработал в масс-медиа, пропагандистской сфере, геополитических построениях образ чайна-тауна. Поэтому отдельные разделы будут посвящены тому, как возрождался почти из небытия образ китайских кварталов или слободок в дальневосточных городах дореволюционной России, отечественному образу чайна-тауна американских и европейских городов. Одновременно мы попытаемся проследить процесс формирования профессионального научного интереса в отечественной историографии к этим сюжетам. На основании этого постараемся реконструировать динамику образа и его инструментального использования в контексте меняющихся представлений о значении китайской миграции в современной России.

«Миллионка»: «китайские слободки» дальневосточных городов рубежа XIX–XX вв.

Поиски источников современных знаний, образов и представлений о китайских кварталах логично начать с отечественной традиции. С того, что известно сейчас и что было известно о «китайских слободках» дальневосточных городов поздней имперской России в конце прошлого века, в те бурные годы, когда формировался стереотип «современного российского чайна-тауна», когда началось его интенсивное идеологическое и политическое использование в качестве важного элемента синдрома «китайской экспансии».

Трансграничные миграции китайцев на Дальний Восток привели к появлению мест их жилищной и деловой концентрации («китайские слободки» и «кварталы»), к распространению особого типа экономической деятельности и образованию специфических экономических ниш. Специальные правовые режимы для мигрантов подкреплялись эффективным функционированием общинных структур, которые осуществляли, помимо этнокультурных и конфессиональных функций, еще и задачи внутреннего социального контроля, регулирования и санкций.

Любопытно, что когда на рубеже XIX–XX вв. чайна-тауны (китайские слободки, китайские кварталы) были важным элементом городской жизни населения Дальнего Востока, масштабы страхов и фобий по их поводу были не слишком велики. Велись дискуссии относительно того, разрешать или не разрешать их существование, что выгоднее – сконцентрировать китайцев города и сопутствующие проблемы в одном месте, чтобы сегрегировать их и обеспечивать властный контроль, или стараться не допустить их территориальной концентрации – опять же для

целей максимально возможного контроля и предотвращения «неконтролируемой клоаки». Результатом дискуссий стали управленческие решения⁴, направленные на сегрегацию и вытеснение, иногда насильственное, китайцев в отдельные кварталы.

Однако здесь власти столкнулись с тем, что не все зависит от их решений. Сегрегация китайцев происходила и естественным захватным образом, не там и не так, как это предписывалось властями. Формировались слабо поддающиеся властному контролю анклав, тревожащие антисанитарией, угрозой пожаров, разгулом криминала, недоступностью для административного и полицейского контроля, явной собственной системой власти, напрямую зависящей от властей Китая. При проведении сегрегации приходилось преодолевать сопротивление зажиточной части мигрантов, справедливо ссылающихся на то, что при насильственном вытеснении в китайские кварталы нарушаются их законные права, в том числе имущественные как иностранных подданных. Понимая это, власти предпочли «управлять процессом» – выделять территорию и пытаться регулировать процесс формирования мест территориальной концентрации китайцев в качестве меньшего зла.

Китайские кварталы были постоянным предметом внимания городского населения. Прежде всего – как кусочек экзотичного мира, мира организованного и функционирующего по особым нормам, правилам и законам. Непроницаемого, недоступного для проникновения, опасного мира, не подчиняющегося властям. Сосредоточия антисанитарии, грязи, нищеты. Концентрации всевозможных пороков – уголовщины, азартных игр, опиумокурения, проституции. Отмечалась экзотичность китайских кварталов в силу образа жизни обитателей, их субкультуры и т.д. Экзотизация – это не просто интерес или даже любование чем-то особым. Она может стать (и часто становится) механизмом дегуманизации, расчеловечивания объекта внимания (Дятлов 2014; Huggan 2001). Но китайские слободки не стали в дореволюционной России символом «китайской экспансии», «желтой опасности», даже просто китайской миграции. Они оставались сложной, но решаемой проблемой для местных властей.

Закономерный вопрос: что об этом было известно жителям постсоветской России, которые внезапно для себя встретились с китайскими мигрантами на уровне повседневного общения? Откуда возник, в частности, пугающий образ чайна-тауна?

Отправной точкой этого процесса не могли быть эмпирические наблюдения, собственный опыт. Историческая память о дореволюционных китайцах в России почти полностью исчезла после полного их вытеснения, частично и уничтожения, в годы «Великого перелома». Они исчезли из жизни страны и из городского пространства, оставшись только в быстро слабеющей исторической памяти.

Теоретически были доступны обширные комплексы дореволюционных источников – архивы, газеты, журналы, многочисленные публикации путешественников, публицистика, исследовательские статьи, государственные документы. Но работа с ними требовала профессиональных навыков, а профессиональный исследовательский интерес к проблеме китайских мигрантов по идеологическим причинам в советские годы сошел почти на нет.

Начало китайской миграции на современный Дальний Восток стало стимулом к формированию научного интереса к проблеме китайских кварталов. Этому способствовало исчезновение идеологических ограничений советской эпохи и существование довольно развитой историографической дореволюционной традиции. Никуда не исчезли и многочисленные богатые источники. Специальных монографических работ пока нет, хотя появилось довольно много статей и разделов в общих монографиях (Сухачева 1993; Сорокина 2001; Нестерова 2004, 2008; Чернолуцкая 2008). Но основной массив этих публикаций относится уже к нулевым годам, их тиражи были минимальны и в доинтернетную эпоху они были малодоступны вне профессионального сообщества. Поэтому на начальной стадии процесса ни эти исследовательские работы, ни комплексы дореволюционных источников не стали информационной основой для формирования представлений о российских чайна-таунах.

Какие-то обрывки знаний и представлений сохранились во многом благодаря одному из китайских кварталов Владивостока – Миллионке. Миллионка даже в советские времена была достопримечательностью города, местом памяти о когда-то живших там китайцах и их образе жизни. Возможно, она зацепилась в исторической памяти благодаря своей локации в самом центре современного Владивостока и тому, что ее материальная основа – дома, дворы, закоулки, трущобный облик – пережили своих прежних китайских обитателей и даже изгнавшую их советскую власть. Любопытно, что другие китайские кварталы города, их аналоги Уссурийска, Хабаровска, Благовещенска (Никитина 2008), не просто не сохранились, но существуют в памяти горожан в лучшем случае в виде некой абстракции – без собственных названий и привязки к местности, без своей мифологии.

Не только для дальневосточников, но и для всей страны Миллионка стала символом китайских кварталов вообще, их стереотипном воплощением. Википедия сообщает, что в 1966 году Миллионка предстала в своем былом обличье в фильме «Пароль не нужен» по одноименному роману Юлиана Семенова. 1969 г. – ряд эпизодов телесериала «Сердце Бонивура» происходит в Миллионке. 1977 г. – Валентин Пикуль в романе «Богатство» сравнивает Миллионку с Хитровым рынком дореволюционной Москвы. 2008 г. – вышел исторический роман Александра Токовенко «Владивостокская Миллионка» (Миллионка 2022).

Принципиально важно для процесса стереотипизации и формирования собственной мифологии то, что Миллионка прочно вошла в массовую культуру, причем еще с советских времен. Знаково в этом смысле обращение к теме невероятно популярного тогда автора в жанре поп-истории Валентина Пикуля. Сейчас эту традицию успешно продолжил автор исторических боевиков Николай Свечин, в одном из романов которого Миллионка предстает не просто местом действия, но практически самостоятельным и важным действующим лицом (Свечин 2022). Сегодня то, что осталось от Миллионки является почти обязательным для посещения туристическим объектом, предметом показа и обсуждений в масс-медиа и социальных сетях («Желтый» Владивосток... 2016).

Образ зарубежного чайна-тауна

Видимо равноценный по важности массив представлений и образов пришел в современную Россию от зарубежных чайна-таунов, особенно американских. Не случайно традиционные российские названия («китайский квартал», «китайская слободка») практически не вошли в современный лексикон. Феномен сразу и как-то естественно стал называться чайна-тауном под прямым воздействием англо-американской традиции. Хотя, возможно, здесь следует учесть влияние общего процесса экспансии англицизмов в современный русский язык.

История этих кварталов насчитывает уже почти двести лет. Возникнув как место концентрации китайских мигрантов, они стали сегодня частью городского пространства, где китайцы живут, работают, вступают в многообразные связи и отношения, создают собственные механизмы социального регулирования, власти и контроля. Это место, где говорят, выглядят, ведут себя по-китайски. Районы с китайскими вывесками, рекламой, запахами, где *китайскость* продается в качестве товара многочисленным туристам.

«Чайна-таун» понимают сейчас и как место жилищной концентрации мигрантов, и как средоточие этнической экономики, и как социальный организм с формальными и неформальными институтами, и как место встречи обитателей этнического квартала с горожанами и туристами, а последних – с возможностью получить необычные впечатления. Наконец, как площадку для продажи «этнического продукта»: экзотических товаров и сувениров, блюд «национальной» кухни. Это понимание сформировалось через знакомство – непосредственное или по чужим впечатлениям – с чайна-таунами в крупных городах Европы и Северной Америки.

Такому пониманию не мешает то обстоятельство, что со временем произошла дифференциация функций чайна-таунов, смена их значений и иерархии. Первоначальная основная функция первичной адаптации

мигрантов, способа их выживания в чужом и враждебном мире постепенно отступала. Ей на смену шла функция формирования общинных социальных и экономических структур, центра общинной жизни и сохранения культуры предков и, разумеется, центра этнической экономики. И уже затем на первый план выходит функция «туристического аттракциона», чайна-таун обретает вид места, где люди «работают китайцами»: производят и продают сувениры, национальную еду и экзотику приписываемых им образов. И все это – внутри, в оболочке территориального анклава.

Чайна-тауны – чрезвычайно значимый элемент городской жизни многих городов Запада. Одновременно – это заметный актор миграционных процессов, важный механизм интеграции мигрантов. Поэтому они хорошо представлены в научной традиции, особенно в США. На этой исследовательской площадке во многом формировались современная социология и социальная антропология (Anderson 1987; Curtis 1995; The Encyclopedia 1999; Lin 1998; Wan-Yin Tan 2008; Wong 2002; Zhou 1992, 2004; Zhou, Logan 1989, 1991; Yip 1995).

Традиционно чайна-тауны привлекают большое общественное внимание в качестве популярного туристического объекта, экзотического места, одновременно проблемной территории, откуда могут исходить угрозы безопасности. Они широко представлены в массовой культуре, особенно в криминальных романах и фильмах.

Советский человек имел ничтожно мало шансов увидеть чайна-таун своими глазами. Зарубежные деловые поездки, а тем более туризм были доступны редким избранным. Но он мог получить некоторое стереотипное представление из «Кинопанорамы», «Клуба кинопутешественников» и других телевизионных «окон в мир». Массовый зарубежный туризм, рабочая и учебная миграция начались только в девяностые годы. Вот тогда чайна-таун стал доступен, и впечатления от его посещения явились важным фактором динамики стереотипа. До этого же он формировался из переводной литературы, криминальных романов, продукции Голливуда. Нельзя не вспомнить здесь знаковую фигуру Джеки Чана.

Был и некоторый научный интерес к американским чайна-таунам (Севастьянов, Корсакова 1983; Бирюков 1983), но монографии и статьи ученых не оказали существенного влияния на формирование стереотипа, главным образом потому, что в советские годы не было соответствующего запроса. В постсоветскую эпоху исследовательский интерес также не слишком вырос (довольно редкие исключения: Мещеряков, Антропов 2020; Анохина 2012). Причины этого – важная тема для особого разговора.

Поиски чайна-тауна в современной России: причины и результаты

До начала массовой китайской трудовой миграции в Россию проблема чайна-тауна интересовала только очень немногих специалистов. Само это слово было знакомо обычному человеку, но почти не востребовано им. Однако начало процесса миграции, вызванный этим шок создали огромный спрос на понимание его природы – как научный, так и общественный, идеологический, политический, просто бытовой. Надо было понять, кто такие китайские мигранты – живые конкретные люди, а не некая абстракция, чего от них ждать, как выстраивать отношения с ними. Новый феномен потребовал новых слов и образов.

Идея чайна-тауна была массово востребована практически сразу как инструмент для объяснения и прогнозирования развития этого совершенно нового феномена. Чайна-таун стал рассматриваться не просто как неизбежный элемент китайской миграции, но в категориях массового дискурса – экспансии, как его основа, воплощение.

Образ чайна-тауна интенсивно конструировался из обрывков исторической памяти о Миллионке, из таких же обрывочных стереотипных представлений о зарубежных чайна-таунах, из пришедших на смену научному коммунизму геополитических построений, из пропаганды времен военного противостояния с Китаем. Кроме того, заметный вклад внесли ученые, не только специалисты в такой «науке», как геополитика, но и даже некоторые демографы. Они практически сразу дали образу чайна-тауна необходимые слова, сформировали дискурс.

Попытаемся выделить основные характеристики, несущие конструкции этого образа. Основная, базовая посылка – неизбежность, безальтернативность того, что зарубежные китайцы могут жить только вместе, отдельным, изолированным сообществом. Это диктуется их вечной и неизменной китайскостью, природой данным образом их жизни. Нельзя забывать, что вся советская национальная политика, идеология, содержание соответствующих школьных и вузовских программ были глубоко примордиалистскими. Представление о вечном и неизменном национальном характере было практически монопольным и естественным. Раз уж в России появились китайцы – значит они смогут и захотят жить только чайна-тауном.

В 2006 г. «Независимая газета» приводит мнение директора Института Дальнего Востока РАН, академика, профессора Михаила Титаренко: «У китайцев очень сильно развиты осознание национальной самоидентичности и привязанность к своей родине. “Где бы китаец ни был, он везде останется китайцем и будет воспроизводить менталитет своей страны, – уверен профессор. – Для китайцев очень важно возвращаться в своей культурной среде, сохранять свой язык, свои обычаи. А где всего этого можно достичь, кроме как в кругу соотечественников?”»

Именно поэтому везде, где появляются китайцы, обязательно возникают их компактные поселения, которые со временем превращаются в чайна-тауны. Так происходило во Франции, в Англии, в США» (Уколов 2006).

При таком подходе игнорируется контекст времени, места и обстоятельств. Прежде всего – характер реакции принимающего общества (в диапазоне от доброжелательного равнодушия до открытой враждебности), выдавливающей мигрантов в изолированные гетто или дающей им возможность относительно безопасно расселяться дисперсно. Политика властей – при создании дореволюционных дальневосточных китайских кварталов именно это стало решающим фактором. Примордиалистский подход позволяет игнорировать огромную неоднородность китайских мигрантов – культурную, образовательную, профессиональную, имущественную, социальную, региональную и т.д. Начальная стадия миграционного процесса не давала возможности увидеть динамику жизни в принимающем обществе, неизбежные процессы адаптации, социального и культурного расслоения, развития географической мобильности. От этого зависел выбор миграционных стратегий, в том числе и вопрос выбора дисперсного или анклавного расселения.

Возобладало восприятие чайна-тауна как механизма адаптации мигрантов к принимающему обществу и одновременно способа сегрегации, тормоза адаптации. Однако больше всего волновала их предполагаемая экстерриториальность, замкнутость внутренней жизни, закрытость от «чужого глаза», прежде всего, от контроля государства; образ абсолютно чужеродного анклава – в культурном, этническом, властном и даже политическом отношениях, рассадника антисанитарии и потенциального источника заразы и эпидемий⁵, площадки неподконтрольной властям организованной преступности («Триады»), наркобизнеса, проституции и других социальных язв.

Практически с самого начала массовой миграции возникло и широко распространилось убеждение, что чайна-тауны *уже есть*. Это даже не проговаривалось в качестве гипотезы, но понималось на уровне очевидности. Чайна-таун видится не как будущий результат, даже не как процесс формирования, а как сложившийся, эффективно функционирующий институт, чужеродное и непроницаемое китайское культурное, экономическое, криминальное и даже политическое ядро в недрах российского общества, в его невралгических центрах – городах. Правда, Л.Л. Рыбаковский с соавторами писали и об опасности появления китайских деревень (Захарова, Миндогулов, Рыбаковский 1994: 17).

В 1996 г. К.Э. Сорокин констатирует в качестве несомненного и очевидного факта «растущую неконтролируемую “ползучую” миграцию китайцев в Россию (их в нашей стране насчитывается до 2 млн человек), образование, особенно на Дальнем Востоке, не подчиняющихся российским законам “чайна-таунов”, массовую незаконную скупку китайскими

предпринимателями недвижимости к востоку от Урала при бездеятельности местных и центральных властей» (Сорокин 1996: 107).

Возможно, самоочевидность факта существования китайских анклавов, их повсеместного присутствия, освобождала от необходимости назвать конкретную локацию, не говоря уже об ее изучении. Авторам, по крайней мере, не встретилось ни одной такой попытки.

В этой цитате есть еще одна констатация «самоочевидного» – оценка количества китайских мигрантов в России в миллионах. Здесь автор не одинок – оценки многих авторов могли варьироваться в пределах от 1 до 6 млн человек. Источник таких сведений, естественно, не указывался. Или одни эксперты ссылались на других.

А коль скоро китайцев по определению не может быть мало, то и чайна-тауны могут (уже стали) густонаселенными опорными пунктами политического освоения российской территории. Особенно при осознанном и рациональном применении методов демографической экспансии (через смешанные браки, например)⁶.

В 2005 г. А. Храмчихин выражал твердую уверенность, что «восток России (в лучшем случае пространство к востоку от Байкала, возможно – к востоку от Енисея, в худшем – к востоку от Урала) за пару десятилетий превратится в гигантское “Косово”... Он будет заселен китайцами и в экономическом, финансовом и административно-политическом отношении станет частью Китая. При этом формально он будет числиться российским (до тех пор, когда в Кремле не появится президент, который отдаст де-юре то, что уже потеряно де-факто), в отдельных гетто будут жить немногочисленные граждане России... В Китае прекрасно видят, что Россия сама сдает свой восток, хотя живет за его счет. В Китае прекрасно знают, что их собственная страна не проживет, не забрав соседние территории. Нация хочет жить и решает вопрос выживания единственно возможным путем» (Храмчихин 2005: 61–64).

Китайцы оцениваются скорее не как «желтая раса», биологическое образование (как в классических представлениях рубежа XIX–XX вв.), но как органическая часть государства, его инструмент. Миграция в Россию воспринимается и оценивается не столько как результат самостоятельного и добровольного выбора отдельных людей, движимых стремлением к улучшению своего положения, сколько как продукт реализации воли державы, ставящей задачи экспансии, в том числе территориальной.

Поэтому неизбежные чайна-тауны обязательно становятся (уже стали для некоторых) инструментами такой «демографической экспансии». Как результат целенаправленной политики китайских властей рассматривает такие проекты журнал «Бизнес и финансы». В нем сообщается (без ссылки на источники), что в рамках кампании ненасильственной экспансии мигрантов Китай выделил огромные деньги на строительство

чайна-таунов в крупнейших российских городах (Москве, Санкт-Петербурге и Казани). «В перспективе чайна-тауны могут стать центрами сосредоточения социально опасных, националистически ориентированных маргиналов и превратиться в рассадники терроризма внутри больших городов. Вполне закономерно, что российские власти не желают видеть в городах РФ районы компактного проживания выходцев из других стран одной национальности. Об этом заявил, выступая в нижней палате российского парламента, директор Федеральной миграционной службы Константин Ромодановский... Однако как объяснить первый, торжественно заложенный, булыжник чайна-тауна в Петербурге? Учитывая практику возведения подобных анклавов в других странах, мы запросто можем получить территорию, где российские законы в принципе не действуют... Не секрет, что любой такой чайна-таун может по команде из-за границы спровоцировать любой сложности конфликт внутри страны, логическим продолжением которого может стать вторжение китайских армий, прикрывающихся защитой бывших соотечественников от “российской агрессии”» (Чайнатауны... 2006).

В этой квинтэссенции стереотипа российского чайна-тауна (поэтому пришлось поместить такую большую цитату) прослеживается мотив, который постепенно перевел довольно конкретный и точный термин в сферу метафор. В категориях чайна-тауна оценивается теперь строительство (или проекты такового) объектов городской недвижимости (обычно деловые центры и отели) с участием китайского капитала. По словам В.Г. Гельбраса, «российская и китайская стороны подписали соглашения о строительстве в Москве и Санкт-Петербурге двух крупных высотных комплексов, предназначенных для размещения в них китайских фирм... Уже сейчас даже в печати эти здания часто именуются “чайна-таунами” (2013: 139). Истории наиболее известного проекта «Балтийская жемчужина» в Санкт-Петербурге и общественно-политической кампании против его реализации посвящена, в частности, диссертация Меган Диксон (Dixon 2008).

Кампании против подобных инвестиционных проектов, окрашенные античайна-таун-риторикой, бушевали в первой половине нулевых годов в Новосибирске, Екатеринбурге, Чите, даже в Карелии. Чайна-таунами стали называть и китайские рынки (Этнические рынки в России... 2015), а накануне пандемии – инфраструктуру китайского туризма в России. Это слово постепенно перестает нести первоначальный смысл и превращается в клише, символ китайскости и китайского присутствия.

Именно тогда проблема чайна-тауна становится предметом озабоченности властей и важной частью их пропагандистской риторики. В том же духе, что и директор ФМС К. Ромодановский, высказывались сенатор Владимир Слуцкер, секретарь Совета безопасности Н. Патрушев и другие высокопоставленные лица.

На этой базе объединяются даже политические антагонисты. В 2007 г., как пишет газета «Лимонка», «группа иркутских национал-большевиков захватила офис Федеральной миграционной службы по Иркутской области в знак протеста против пособнической политики властей китайской миграции в Россию. Были мирно заняты крыша, балкон и несколько кабинетов данного ведомства. На захваченном объекте были вывешены транспаранты “Россия – не чайна-таун!”, “Остановим китайскую экспансию!” и флаг НБП. Другая группа национал-большевиков в это время устроила несанкционированный пикет под окнами ФМС с лозунгом “Чиновники – пособники китайцев!”. Национал-большевики выступили против китайской экспансии в Сибири и на Дальнем Востоке и обвинили чиновников ФМС в укрывании реальной численности китайских мигрантов, по неофициальным данным сейчас в Приморье только постоянно проживает более 2 млн китайских граждан» (Бухаров, Михайлов 2007).

Окончательно позиция властей была сформулирована президентом В.В. Путиным. В послании Федеральному собранию (12 декабря 2012 г.) он заявил: «Мы не допустим появления в России замкнутых этнических анклавов со своей неформальной юрисдикцией, живущих вне единого правового и культурного поля страны, с вызовом игнорирующих общепринятые нормы, законы и правила» (Послание... 2012).

С точки зрения принятия управленческих решений это была запоздалая реакция. Уже к середине нулевых годов стало понятно, что чайна-таунов в классическом понимании (как мест территориальной жилой концентрации, экономической деятельности, социальной организации и культурной жизни) в России нет. Проверить это было несложно – достаточно при желании и некоторых не очень значительных усилиях выявить и описать конкретные локации, которых так и не нашлось.

Более того, стало понятно, что тенденции к их формированию довольно призрачны. Мешает этому много обстоятельств. Прежде всего, это советская инерция организации городского пространства, препятствующая сегрегации не только социальной, но и этнической. Востребованное мигрантами дешевое жилье до сих пор дисперсно рассредоточено по всему пространству города. То же можно сказать и о местах их экономической деятельности. Несопоставимая по внешнему враждебному давлению на рубеже XIX–XX вв. в Северной Америке и Европе ситуация, не заставляющая, для того чтобы выжить, собираться в анклавы. Преобладание миграционных стратегий, ориентированных на временное пребывание. Разнообразие самих мигрантов – региональное, социальное, имущественное и культурное. Способность многих из них адаптироваться и добиваться экономического успеха индивидуально, без такого механизма первичной адаптации, как чайна-таун. Интернет, вообще новые средства коммуникации, которые позволяют тесно и постоянно общаться с людьми с подобной культурой и образом жизни, не проживая

рядом, компактно. Наконец, сокращение масштабов китайской миграции в последние годы, вызванное ускоренной трансформацией китайского общества.

Возникшие на ранних этапах миграционного процесса китайские рынки, китайские общежития и гостиницы, воплощающие в себе отдельные элементы концентрации экономической, отчасти социальной и культурной жизни, потеряли свое прежнее значение, оттеснены на периферию городской жизни. Большие инвестиционные строительные проекты с участием китайского капитала вышли из моды. Пандемия пресекла массовый китайский туризм и больно ударила по набравшей силу инфраструктуре его обслуживания.

Три десятка лет интенсивной китайской миграции продемонстрировали, что чайна-тауны в России не сложились, но их образ, ставший частью «виртуальной реальности», регулярно возникает в геополитических построениях и идеологических конструкциях. Теперь это скорее метафора, мифологема, часть мигрантофобского идеологического комплекса. Но роль китайских мигрантов как раздражающего и пугающего фактора резко сократилась в два последних десятилетия. Динамика их численности уже не пугает. Действует эффект привыкания. Наблюдается скорее раздражение от численности и довольно высокого уровня материального благосостояния туристов, различия культурных норм.

Это не означает снижения уровня ксенофобии вообще и мигрантофобии в частности. Объект, масштабы и накал мигрантофобии зависят сейчас от направленности идеологических кампаний, от присутствия этой темы на государственном телевидении. А там с недавних пор, учитывая особые отношения России с Китаем, сюжеты о конфликтах и противоречиях, связанных с китайскими мигрантами, становятся если и не табуированными, то не очень популярными, неконъюнктурными. Что называется, «не сезон».

Что касается исследовательского интереса к проблеме российских чайна-таунов, то он явно не соответствует масштабам использования образа в общественной практике. Возможно, такой массовый спекулятивный интерес, пропагандистское использование темы и отталкивали серьезных ученых. Их усилия концентрируются сейчас на более общей проблеме этнических анклавов применительно к современной российской ситуации (Варшавер и др. 2020, 2021; Дятлов 2018).

Заключение

Когда в начале нулевых годов одному из соавторов статьи предложили подготовить тематический номер журнала «Этнографическое обозрение» по проблеме чайна-таунов в России, первой реакцией было не-

которое недоумение и желание сразу (и с большим сожалением) отклонить это лестное предложение. Что писать о том, чего нет? Уже тогда было видно, что мест жилищной, деловой, культурной концентрации китайских мигрантов, аналогичных американским чайна-таунам, не появилось. Это легко доказывалось элементарными наблюдениями на местности в дальневосточных и сибирских городах. Тогда же возникла гипотеза о том, что это результат инерции советской модели организации городского пространства, препятствующей социальной и этнической сегрегации (Вендина 2005).

Однако были еще неясны перспективы. Темпы китайской миграции хотя и снизились, но количественно она оставалась на высоком уровне. Шли сложные процессы адаптации. Формировались отдельные, хотя и разбросанные по городскому пространству очаги экономической и жилищной концентрации – китайские рынки, гостиницы и общежития, деловые центры. Не исключалась потенциальная возможность появления чайна-тауна.

Но все это не снимало вопроса о том, почему проблема так интенсивно обсуждается в масс-медиа, во многих геополитических построениях, становится предметом глубокой озабоченности властей. Почему возникло такое интенсивное ожидание, сделавшее для многих чайна-тауны сбывшимся фактом? Почему при этом не предпринималось попыток подтвердить или опровергнуть наличие чайна-таунов эмпирическим путем, методом простейшего наблюдения – так, как это проделала Наталья Рыжова в Благовещенске (Рыжова 2008)?

Поэтому в специально номере «Этнографического обозрения» констатировалось: «Чайна-таунов в России нет, но есть проблема чайна-тауна» (Специальная тема номера... 2008: 4). Именно эта проблема и стала предметом изучения сейчас, когда появилась возможность проследить динамику процесса становления и упадка важнейшей составляющей комплекса «китайской экспансии».

Объяснительный и оценочный потенциал «образа российского чайна-тауна» как ксенофобского синдрома, возникшего в результате синтеза мигрантофобии и китаефобии, был востребован с началом массовой трудовой миграции из Китая. В совершенно новой ситуации возник огромный спрос на объяснительные модели, новые стереотипы, модели поведения. Страх перед чайна-тауном как наиболее видимым и очевидным воплощением ожидаемой «китайской экспансии» приобрел популярность и распространение как на уровне бытовых фобий и предубеждений, так и в виде геополитических построений, идеологем, политических и административных практик.

При этом в российском обществе многие десятилетия не было опыта непосредственного общения, наработанных стереотипов, элементарных знаний китайской культуры. Имелась поэтому крайне малая нарративная

база для использования этого понятия и термина. Совсем не было в начале процесса и не появилось в дальнейшем собственного эмпирического опыта непосредственного наблюдения за феноменом. Активизировались только смутные обрывочные воспоминания о китайских мигрантах на дореволюционном Дальнем Востоке, образы массовой культуры относительно зарубежных чайна-таунов. Историографическая база только начинала формироваться. При этом создается впечатление, что для авторов создаваемых геополитических схем отсутствие эмпирических знаний, дающих по определению противоречивую и размытую картину, особенно на начальных стадиях процесса, – скорее преимущество.

Однако мощный в начале процесса синдром начал быстро терять энергию и влияние. Ужас перед «китайской экспансией» постепенно менялся на привычную уже мигрантофобию. К снижающейся количественно китайской миграции привыкли и привыкли извлекать из нее пользу. По мере адаптации китайцы становились менее заметными и потому менее раздражающими. Чайна-таунов в российских городах найти никто не смог в силу их отсутствия. Попытка подменить классический чайна-таун суррогатами типа китайских рынков, гостиниц, инвестиционных проектов в недвижимость оказались слаборботающими.

Как результат, чайна-таун постепенно трансформировался из очень конкретного, материального феномена в метафору, обозначение китайскости как таковой. Поэтому синдром теряет свою мобилизующую силу. Китаефобия в качестве составляющего элемента мигрантофобии остается, но принимает иные формы и воплощения.

«Синдром российского чайна-тауна» продемонстрировал наглядный – в силу стремительности и наблюдаемости процесса – пример эволюции ксенофобского комплекса от массовой востребованности, популярности и инструментального использования к упадку и уходу в «отстойники» исторической памяти. Помимо всего прочего, это делает тему важным объектом всестороннего изучения.

Примечания

¹ Компендиум ключевых или/и наиболее дискуссионных отечественных статей, посвященных этому процессу, см. в (Миграция 2013).

² Подборка наиболее часто цитируемых статей по проблеме см. в (Миграция 2013. Т. 1. Ч. 2: 100–206, 789–952).

³ Обобщающий очерк этапов китайской миграции в Россию см. в (Ларин 2009).

⁴ Публикацию документов по этой проблеме см. в: (Петров 2003: 320–328; Анча, Мизь 2015: 93–170).

⁵ Влияние факторов скученности, антисанитарии, распространения заразных болезней в чайна-таунах на формирование синофобии анализирует С. Урбански (Urbansky 2019).

⁶ О мифологии китайских браков см. в (Diatlova, Diatlov 2017).

Список источников

- Анохина Е.С. Китайские диаспоры США и Канады и «новая» китайская миграция // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 355. С. 51–54.
- Анча Д.А., Мизь Н.Г. Китайская диаспора во Владивостоке: страницы истории. Владивосток: Дальнаука, 2015.
- Бирюков В.И. Китайцы в США и американо-китайские отношения на современном этапе. М.: Наука, 1983.
- Бухаров Д., Михайлов Д. Россия – не чайна-таун // Лимонка. Газета прямого действия. 2007. № 314 (февраль).
- Варишавер Е., Рочева А., Иванова И., Ермакова М. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19, № 2. С. 225–253.
- Варишавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Андреева А.С. Мигранты в российских городах: расселение, концентрация, интеграция. М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2021.
- Вендина О. Мигранты в Москве: грозит ли российской столице этническая сегрегация? // Миграционная ситуация в регионах России. Вып. 3. М., 2005.
- Гельбрас В. Китайские мигранты в России // Миграция в России 2000–2012. Хрестоматия: в 3 т. / под общ. ред. И.С. Иванова; отв. ред. Ж.А. Зайончковская. М.: Спецкнига, 2013. Т. 1, ч. 2. С. 129–144.
- Дятлов В. Этнические кластеры в России на рубеже XIX–XX и XX–XXI вв.: ушедший в прошлое и ожидаемый в будущем осадок миграционных процессов // От века бронзового до века цифрового: феномен миграции во времени. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2018. С. 179–185.
- Дятлов В.И. Экзотизация и «образ врага»: синдром «желтой опасности» в дореволюционной России // Идеи и идеалы. 2014. Т. 1, № 2 (20). С. 23–41.
- «Желтый» Владивосток начала XX века: пожары, антисанитария и бандитская «Миллионка» // Свободные новости: Дальний Восток. Сообщество ВКонтакте. 3 апреля 2016. URL: https://vk.com/wall-33908692_3936?ysclid=lkulytrycj736505503 (дата обращения: 12.02.2023).
- Захарова О.Д., Миндогулов В.В., Рыбаковский Л.Л. Нелегальная иммиграция в приграничных районах Дальнего Востока // СоцИс: Социологические исследования. 1994. № 12. С. 11–21.
- Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009.
- Мещеряков А.Ю., Антропов О.К. Культурная гибридность и диаспора в контексте китайской и американской истории (на примере пространства Чайнатауна в США) // Манускрипт. 2020. Т. 13, вып. 6. С. 44–52.
- Миграция в России 2000–2012. Хрестоматия : в 3 т. / под общ. ред. И.С. Иванова; отв. ред. Ж.А. Зайончковская. М.: Спецкнига, 2013. Т. 1–3.
- Миллионка // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Миллионка&oldid=124178567> (дата обращения: 20.07.2022).
- Нестерова Е.И. Атлантида городского масштаба: китайские кварталы в дальневосточных городах (конец XIX – начало XX в.) // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 44–58.
- Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2004.
- Никитина М. Китайский квартал // Амурская правда. 2008. 27 нояб.
- Петров А.И. История китайцев в России. 1856–1917 годы. СПб.: Береста, 2003.
- Послание Президента РФ Федеральному собранию от 12.12.2012 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements%20/17118> (дата обращения: 12.02.2023).

- Рыжова Н.П. Благовещенск: в поисках «чайнатауна» // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 17–30.
- Свечин Н. На краю. М.: Эксмо, 2022.
- Севастьянов В.П., Корсакова Н.Е. Позолоченное гетто. Очерки жизни в США эмигрантов из Китая, Кореи и Японии. М.: Наука, 1983.
- Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. М.: РОССПЭН, 1996.
- Сорокина Т. Китайские кварталы дальневосточных городов // Диаспоры. 2001. № 2–3. С. 54–74.
- Специальная тема номера: «Чайнатауны» в России / отв. ред. В.И. Дятлов // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 3–58.
- Сухачева Г.А. Обитатели «Миллионки» и другие. Деятельность тайных китайских обществ во Владивостоке в конце XIX – начале XX века // Россия и АТР. 1993. № 1. С. 62–70.
- Уколов Р. Первопрестольный China-град. «Имея в Москве свои банки, газеты, рестораны и увеселительные заведения, китайцы и здесь живут в строгих рамках конфуцианской культуры» // Независимая газета. 01.04.2006.
- Храмчихин А. Желтое господство. Захват Китаем Сибири – не «страшилка». Поскольку другого выхода у него просто нет // Политический журнал. 2005. № 27. С. 61–64.
- Чайнатауны – вызов России // Бизнес и финансы. 2006. 20 марта. URL: <http://www.advis.ru> (дата обращения: 20.07.2022).
- Чернолуцкая Е.Н. Конец «Миллионки»: ликвидация китайского квартала во Владивостоке // Россия и АТР. 2008. № 4. С. 24–31.
- Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015.
- Anderson K.J. The Idea of Chinatown: The Power of Place and Institutional Practice in the Making of a Racial Category // Annals of the Association of American Geographers. 1987. Vol. 77, No. 4. P. 580–598.
- Curtis J.R. Mexicali's Chinatown // Geographical Review. 1995. Vol. 85, No. 3. P. 335–348.
- Diatlova E.V., Diatlov V.I. "Demographic Expansion": Russian-Chinese Marriages in Migration Mythology // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2017. Vol. 10, No. 11. P. 1654–1663.
- Dixon M. The Baltic Pearl in the Window to Europe: St. Petersburg's Chinese Quarter: Ph.D. Diss. University of Oregon Graduate School, 2008.
- Huggan G. The postcolonial exotic: marketing the margins. London: Routledge, 2001.
- Lin J. Reconstructing Chinatown: ethnic enclave, global change. Minneapolis: Univ. of Minnesota, 1998.
- The Encyclopedia of the Chinese Overseas / ed. by L. Pan. Cambridge (Mass.): Harvard Univ., 1999.
- Urbansky S. A Chinese Plague: Sinophobic Discourses in Vladivostok, San Francisco, and Singapore // Bulletin of the German Historical Institute. 2019. No. 64 (spring). P. 75–92.
- Wan-Yin Tan W. Chinatowns of New York City. Charleston: Arcadia Publishing, 2008.
- Wong B.P. Chinatown. Economic Adaptation and Ethnic Identity of the Chinese. Belmont: Wadsworth/Thompson Learning, 2002.
- Yip C.L. Association, Residence, and Shop: An Appropriation of Commercial Blocks in North American Chinatowns // Perspectives in Vernacular Architecture. 1995. Vol. 5: Gender, Class, and Shelter. P. 109–117.
- Zhou M. Chinatown: The Socioeconomic Potential of an Urban Enclave. Philadelphia: Temple Univ., 1992.
- Zhou M. The Role of the Enclave Economy in Immigrant Adaptation and Community Building: The Case of New York's Chinatown // J.S. Butler and G. Kozmetsky (eds.). Immigrant and Minority Entrepreneurship: Building American Communities. Westport: Praeger. 2004. P. 37–60.

- Zhou M., Logan J. Returns on Human Capital in Ethnic Enclaves: New York City's Chinatown // *American Sociological Review*. 1989. Vol. 54, No. 5. P. 809–820.
- Zhou M., Logan J.R. In and Out of Chinatown: Residential Mobility and Segregation of New York City's Chinese // *Social Forces*. 1991. Vol. 70, No. 2. (Dec.). P. 387–407.

References

- Anokhina E.S. (2012) Kitaiskie diaspory SShA i Kanady i «novaia» kitaiskaia migratsiia [Chinese Diasporas of The USA and Canada and New Chinese Migration], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 355, pp. 51–54.
- Ancha D.A., Miz' N.G. (2015) *Kitaiskaia diaspora vo Vladivostoke: stranitsy istorii* [The Chinese diaspora in Vladivostok: pages of history]. Vladivostok: Dal'nauka.
- Biriukov V.I. (1983) *Kitaitsy v SShA i amerikano-kitaiskie otnosheniia na sovremennom etape* [Chinese in the United States and US-China relations at the present stage]. Moscow: Nauka.
- Bukharov D., Mikhailov D. (2007) Rossiia – ne chaina-taun [Russia is not a China-town], *Limonka. Gazeta priamogo deistviia*. no. 314 (February).
- Varshaver E., Rocheva A., Ivanova I., Ermakova M. (2020) Mesta rezidentnoi kontsentratsii migrantov v rossiiskikh gorodakh: est' li pattern? [Residential Concentrations of Migrants in Russian Cities: Is There a Pattern?], *Sotsiologicheskoe obozrenie*, Vol. 19, no. 2, pp. 225–253.
- Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S., Andreeva A.S. (2021) *Migranty v rossiiskikh gorodakh: rasselenie, kontsentratsiia, integratsiia* [Migrants in Russian cities: resettlement, concentration, integration]. Moscow: Izdat. dom «Delo» RANKhiGS.
- Vendina O. (2005) Migranty v Moskve: grozit li rossiiskoi stolitse etnicheskaia segregatsiia? [Migrants in Moscow: is the Russian capital threatened by ethnic segregation?]. In: *Migratsionnaia situatsiia v regionakh Rossii* [Migration situation in the regions of Russia]. Vol. 3. Moscow.
- Gel'bras V. (2013) Kitaiskie migranty v Rossii [Chinese migrants in Russia]. In: *Migratsiia v Rossii 2000–2012. Khrestomatiia v 3 tomakh* [Migration in Russia 2000–2012. A reader in 3 volumes] / NP RSMU; under the general editorship of I.S. Ivanova; Executive editor Zh.A. Zayonchkovskaya. Moscow: Spetskniga, Vol. 1. Book 2, pp. 129–144.
- Diatlov V. (2018) Etnicheskie klastery v Rossii na rubezhe XIX–XX i XX–XXI vv.: ushedshii v proshloe i ozhidaemyi v budushchem osadok migratsionnykh protsessov [Ethnic clusters in Russia at the turn of 19th – 20th and 20th – 21st centuries: outlived and projected sediments of migration process]. In: *Ot veka bronzovogo do veka tsifrovogo: fenomen migratsii vo vremeni* [Migration Throughout Times: From the Bronze Age to The Century of The Digital]. Barnaul: Izd-vo Altaiskogo un-ta, pp. 179–185.
- Diatlov V.I. (2014) Ekzotizatsiia i «obraz vraga»: sindrom «zheltoi opasnosti» v dorevoliutsionnoi Rossii [Exotization And "The Enemy Image": The Syndrome Of "Yellow Peril" In Pre-Revolutionary Russia], *Idei i idealy*, no. 2(20), Vol. 1, pp. 23–41.
- «Zheltiy» Vladivostok nachala XX veka: pozhary, antisanitariia i banditskaia "Millionka" ["Yellow" Vladivostok at the beginning of the 20th century: fires, unsanitary conditions and the gangster "Millionka"], *Svobodnye novosti: Dal'nii Vostok*. VK Community. 3 April 2016. Available at: https://vk.com/wall-33908692_3936?ysclid=lkulytrycj736505503 (Accessed 12 February 2023)
- Zakharova O.D., Mindogulov V.V., Rybakovskii L.L. (1994) Nelegal'naia immigratsiia v prigranichnykh raionakh Dal'nego Vostoka [Illegal immigration in the border areas of the Far East], *Socis: Sotsiologicheskie Issledovaniia*, no. 12, pp. 11–21.
- Larin A.G. (2009) Kitaiskie migranty v Rossii. Istoriia i sovremennost' [Chinese migrants in Russia. History and present]. Moscow: Vostochnaia kniga.
- Meshcheriakov A.Iu., Antropov O.K. (2020) Kul'turnaia gibridnost' i diaspora v kontekste kitaiskoi i amerikanskoi istorii (na primere prostranstva Chainatauna v SShA) [Cultural Hybridity and Diaspora in The Context of The Chinese and American History (By the Example of The USA Chinatown Area)], *Manuskript*. Vol. 13, Is. 6, pp. 44–52.

- Migratsiia v Rossii 2000–2012. Khrestomatiia v 3 tomakh [Migration in Russia 2000–2012. A reader in 3 volumes] / NP RSMD; under the general editorship of I.S. Ivanova; Executive editor Zh.A. Zayonchkovskaya. Moscow: Spetsknaiga, 2013. Vols. 1–3.
- Millionka [Electronic resource] // Wikipedia. Available at: <https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Millionka&oldid=124178567> (Accessed 20 July 2022).
- Nesterova E.I. (2008) Atlantida gorodskogo masshtaba: kitaiskie kvartaly v dal'nevostochnykh gorodakh (konets XIX – nachalo XX v.) ["Atlantis of The Urban Scale": Chinatowns in Far Eastern Towns (Late XIX – Early XX Centuries)], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 44–58.
- Nesterova E.I. (2004) *Russkaia administratsiia i kitaiskie migranty na luge Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraiia polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Russian administration and Chinese migrants in the south of the Russian Far East (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochnogo universiteta.
- Nikitina M. (2008) Kitaiskii kvartal [Chinatown], *Amurskaia pravda*, 27 November.
- Petrov A.I. (2003) *Istoriia kitaitsev v Rossii. 1856–1917 gody* [History of the Chinese in Russia. 1856–1917]. St. Petersburg: OOO «Beresta».
- Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniui ot 12.12.2012 [Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly. December 12, 2012], *Official website of the President of Russia*. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements%20/17118> (Accessed 12 February 2023).
- Ryzhova N.P. (2008) Blagoveshchensk: v poiskakh «chainatauna» [Blagoveshchensk: In Search of A "Chinatown"], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 17–30.
- Svechin N. (2022) *Na kraiu* [On the edge]. Moscow: Eksmo.
- Sevast'ianov V.P., Korsakova N.E. (1983) *Pozolochennoe getto. Ocherki zhizni v SShA emigrantov iz Kitaia, Korei i Iaponii* [Gilded ghetto. Essays on life in the United States of emigrants from China, Korea and Japan]. Moscow: Nauka.
- Sorokin K.E. (1996) *Geopolitika sovremennosti i geostrategiia Rossii* [Geopolitics of modern times and geostrategy of Russia]. Moscow: ROSSPEN.
- Sorokina T. (2001) Kitaiskie kvartaly dal'nevostochnykh gorodov [Chinatowns of Far Eastern cities], *Diaspory*, no. 2–3, pp. 54–74.
- Spetsial'naia tema nomera: «Chainatauny» v Rossii (otvetstvennyi redaktor V.I. Diatlov) [Special topic of the issue: "Chinatowns" in Russia (executive editor V.I. Dyatlov)], *Etnograficheskoe obozrenie*. 2008, no. 4, pp. 3–58.
- Sukhacheva G.A. (1993) Obitateli «Millionki» i drugie. Deiatel'nost' tainykh kitaiskikh obshchestv vo Vladivostoke v kontse XIX – nachale XX veka [Residents of "Millionka" and others. Activities of secret Chinese societies in Vladivostok at the end of the 19th – beginning of the 20th century], *Rossiia i ATR*, no. 1, pp. 62–70.
- Ukolov R. (2006) Pervoprestol'nyi China-grad. «Imeia v Moskve svoi banki, gazety, restorany i uveselitel'nye zavedeniia, kitaitsy i zdes' zhivut v strogikh ramkakh konfutsianskoi kul'tury» [First-throned China-town. "Having their own banks, newspapers, restaurants and entertainment establishments in Moscow, the Chinese live here within the strict Confucian culture"], *Nezavisimaia gazeta*. April, 1st.
- Khramchikhin A. (2005) Zheltoe gospodstvo. Zakhvat Kitaem Sibiri – ne «strashilka». Poskol'ku drugogo vykhoda u nego prosto net [Yellow domination. China's seizure of Siberia is not a "horror story". Because they simply have no other choice], *Politicheskii zhurnal*, no. 27, pp. 61–64.
- Chainatauny – vyzov Rossii [Chinatowns - a challenge to Russia], *Biznes i finansy*. 2006. 20 March. Available at: <http://www.advis.ru> (Accessed 20 July 2022).
- Chernolutskaia E.N. (2008) Konets «Millionki»: likvidatsiia kitaiskogo kvartala vo Vladivostoke [The end of "Millionka": the liquidation of Chinatown in Vladivostok], *Rossiia i ATR*, no. 4, pp. 24–31.
- Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi [Ethnic Markets in Russia: Space of Bargaining and Place of Meeting] / ed. by V.I. Diatlov, K.V. Grigorichev. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2015.

- Anderson K.J. (1987) The Idea of Chinatown: The Power of Place and Institutional Practice in the Making of a Racial Category, *Annals of the Association of American Geographers*, Vol. 77, N. 4, pp. 580–598.
- Curtis J.R. (1995) Mexicali's Chinatown, *Geographical Review*, Vol. 85, N. 3, pp. 335–348.
- Diatlova E.V., Diatlov V.I. (2017) “Demographic Expansion”: Russian-Chinese Marriages in Migration Mythology, *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, Vol. 10, № 11, pp. 1654–1663.
- Dixon M. (2008) *The Baltic Pearl in the Window to Europe: St. Petersburg's Chinese Quarter*. Ph.D. Diss. University of Oregon Graduate School.
- Huggan G. (2001) *The postcolonial exotic: marketing the margins*. London: Routledge.
- Lin J. (1998) *Reconstructing Chinatown: ethnic enclave, global change*. Minneapolis: Univ. of Minnesota.
- The Encyclopedia of the Chinese Overseas* / Ed. by L. Pan. Cambridge (Mass.): Harvard Univ., 1999.
- Urbansky S. (2019) A Chinese Plague: Sinophobic Discourses in Vladivostok, San Francisco, and Singapore, *Bulletin of the German Historical Institute*, No. 64 (spring), pp. 75–92.
- Wan-Yin Tan W. (2008) *Chinatowns of New York City*. Charleston: Arcadia Publishing.
- Wong B.P. (2002) *Chinatown. Economic Adaptation and Ethnic Identity of the Chinese*. Belmont: Wadsworth/Thompson Learning.
- Yip C.L. (1995) Association, Residence, and Shop: An Appropriation of Commercial Blocks in North American Chinatowns, *Perspectives in Vernacular Architecture*, Vol. 5, Gender, Class, and Shelter, pp. 109–117.
- Zhou M. (1992) *Chinatown: The Socioeconomic Potential of an Urban Enclave*. Philadelphia: Temple Univ.
- Zhou M. (2004) The Role of the Enclave Economy in Immigrant Adaptation and Community Building: The Case of New York's Chinatown. In: J.S. Butler and G. Kozmetsky (eds.). *Immigrant and Minority Entrepreneurship: Building American Communities*. Westport: Praeger, pp. 37–60.
- Zhou M., Logan J. (1989) Returns on Human Capital in Ethnic Enclaves: New York City's Chinatown, *American Sociological Review*, Vol. 54, N. 5, pp. 809–820.
- Zhou M., Logan J.R. (1991) In and Out of Chinatown: Residential Mobility and Segregation of New York City's Chinese, *Social Forces*, Vol. 70, N. 2. (Dec.), pp. 387–407.

Информация об авторах:

ДЯТЛОВ Виктор Иннокентьевич – доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия); профессор Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vikdyatlov@yandex.ru

ДЯТЛОВА Елена Викторовна – кандидат исторических наук, доцент Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: dyatlovae@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Viktor I. Diatlov, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation); National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vikdyatlov@yandex.ru

Elena V. Diatlova, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: dyatlovae@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20 декабря 2023 г.;
принята к публикации 03 марта 2024 г.

The article was submitted 20.12.2023;
accepted for publication 03.03.2024.